

Прибылев Александр Васильевич

**Процесс 17-ти народовольцев
1883 года**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Васильевич П.**
Процесс 17-ти народовольцев 1883 года / Прибылев Александр Васильевич –
М.: Книга по Требованию, 2025. – 68 с.

ISBN 978-5-519-79550-0

ISBN 978-5-519-79550-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

— Пожалуйста!—сказал надзиратель Дома Предварительного Заключения, открыв дверь в мою камеру 4-й галлерей этой образцовой тюрьмы.

Нам всем уже было известно, что на-днях Особое Присутствие Правительствующего Сената приступит к разбору нашего дела. Около недели тому назад или несколько больше, всех нас, кроме женщин и Стефановича, привезли из Петропавловской крепости в Дом Предварительного Заключения, корпус которого был смежным с корпусом суда, и рассадили по разным камерам и галлерейм. Здесь издавна существовал обычай переводить на время политического процесса всех его участников поближе к коридорам, ведущим в суд; при этом имелись в виду и большие удобства при постоянных передвижениях из тюрьмы в суд и обратно разом такого большого количества заключенных, и наименьший шум, обращающий на себя внимание и, естественно, возбуждающий товарищей подсудимых, и большая легкость сношений защиты со своими клиентами и пр., а всем этим требованиям наиболее удовлетворял, конечно, ряд камер нижнего этажа Дома Предварительного Заключения.

Эта еще новая тогда тюрьма, построенная по западно-европейскому образцу, на меня, как, вероятно, и на других заключенных, производила впечатление гостиницы, после девятимесячного пребывания в сырых и темных казематах Петропавловской крепости. Недаром малолетняя девочка, дочка нашего товарища по процессу Буцевича, когда приводили ее на свидание к отцу, говорила ему:

— В какой гадкой гостинице живешь ты, папа!

Бедному ребенку казалось плохой гостиницей то, что для ее отца было местом отдыха после крепостного сидения и что при том было для него последним отдыхом, как это оказалось впоследствии...

Эти дни, оставшиеся до начала суда, изобиловали свиданиями обвиняемых с родными; очевидно, администрация сама бессознательно желала чем-нибудь скрасить их для заключенных, не без основания предполагая, что для большинства эти дни были последними днями пребывания в „первобытном“ (без лишения гражданских прав) состоянии, с некоторой возможностью общения с близкими людьми, а для некоторых—и последними днями жизни...

Имею основание делать такое предположение потому, что неоднократно и от самих представителей власти, и от близких людей на свиданиях, в свою очередь обменивавшихся впечатлениями о процессе с властью имеющими, слышал мнение, составившееся о подсудимых на основании знакомства с ними по делу и лично. Эта своего рода рекомендация процесса заключалась в том, что главное впечатление, производимое обвиняемыми, было впечатление людей

с душой и сердцем, к которым ни в каком случае нельзя применить эпитетов кровожадности и зверства, какими обвинение пыталось наделить участников предшествовавших террористических процессов.

Говорили, что первый процесс (первомартовцев) отличался строгой выдержанностью типа террориста, пользующегося судом, как трибуной, чтобы осведомить общество возможно шире с альфой и омегой своего направления; представители его поражали своей убежденностью; процесс дал теоретиков партии „Народной Воли“, теоретиков террора, в лице Желябова, Перовской, Кибальчича. Второй процесс 20 лиц в 1882 г. выдвинул по преимуществу теоретиков и практиков партийной программы и организации в лице Ал. Михайлова и др.; третий же процесс 17 лиц, не блистая талантами теоретической обосновки и партийной организации, равно как и не имея задач, стоявших перед первомартовцами, знакомил публику, поскольку она имела возможность знакомиться с подсудимыми по сведениям, проникающим в нее через суд, защиту и родственников обвиняемых, с представителями террора. Таково было общее мнение, глухо доходившее и до объектов его.

Не мне судить, насколько справедлива такая репутация процесса вообще, но должен сказать, что многое могло говорить в пользу такой его оценки.

Начать с того, что здесь был огромный процент женщин, подчас помимо их воли вносящих известную степень чувства и душевной мягкости в их отношения к окружающему; в самом деле, на 10 ч. мужчин тут было 7 ч. женщин, тогда как на предыдущем процессе

20-ти их было всего 3. Затем, настроение некоторых из подсудимых, как Корба и особенно Грачевского, было таково, что также располагало их, и без того людей в высшей степени сердечных, к особой душевной мягкости; причина такого настроения объясняется их страстным желанием, сколько возможно, понизить ответственность их более молодых товарищей, о чем эти последние и не подозревали тогда. Наконец, обширный круг родных и знакомых некоторых из подсудимых, как Прибылева (Роза Львовна, урожденная Гросман), Корба и Буцевич, сумел заинтересовать общество участниками этого процесса не только как представителями крайнего разрушительного направления, но и как людьми в широком смысле этого слова; с другой стороны, тем же порядком и с той-же точки зрения неизбежно должны были познакомиться с ними и предрешающие власти: и общество, и власти привыкли смотреть на подсудимых без особо предвзятой точки зрения, и, не усматривая со стороны их агрессивных попыток на следствии и суде, видели в них обыкновенных, даже очень симпатичных людей, волею исторических судеб попавших на скамью подсудимых. Кроме того, Юрий Богданович—участник подкопа на Малой Садовой, хозяин знаменитой сырной лавки Кобозевых—придавал своеобразный колорит всему процессу, возбуждая интерес и внимание общества и отвечая на них присущей ему корректностью поведения, мягкостью своего характера и всегда окружающими его симпатиями со стороны лиц, входящих с ним в сношения.

Наконец, своеобразный интерес возбуждал еще один наш сопроцессник—Я. В. Стефанович. В 1877 г. он

был организатором, при посредстве подложной золотой царской грамоты, известного чигиринского восстания, после чего до суда успел скрыться из тюрьмы при помощи подставного тюремного надзирателя (М. Ф. Фроленко) и до последнего времени стоял в рядах партии „Черного Передела“. Его недавнее появление среди народовольцев для мало посвященной партийной публики на суде должно было вызывать толки, не всегда клонящиеся в его пользу. Теперь его участие в процессе, на суде возбуждало значительный интерес—как старого бунтаря со своеобразным закалом и тактикой, не разделяемой современной революционной средой, и как недавнего пришельца в „Нар. Волю“, как будто из другого мира. К тому же, всем нам тотчас-же стало известно, что все месяцы предварительного заключения он содержался не в Петропавловской крепости, как другие, а при каких-то особых условиях, при департаменте полиции.

Но важнее всего, конечно, то, что процесс 17 был поставлен в разбираемом отношении в исключительное положение. С одной стороны, идея террора и программа партии были достаточно выяснены на предыдущих процессах, почему главари процесса 17-ти могли касаться их в гораздо меньшей степени; с другой стороны, процесс этот не мог выставить выдающихся ораторов, которые бы легко справились с этой задачей. Таким образом, на долю участников процессов 1-го марта и 20-ти в 1882 г. выпало скрыть, замаскировать все свои душевные качества, всю силу их любви к человечеству, всю степень самопожертвования, какими обычно отличались видные револю-

ционеры того времени, и выступить перед обществом с грозной проповедью террора, оправдать его в самом крайнем его проявлении. Задача неблагодарная для деятелей этих процессов, но выполненная ими блистательно, с полным самозабвением. В совершенно противоположных, но и несравненно более выгодных для себя условиях оказались участники процесса 17. Они могли быть самими собою—несравненно больше, чем это можно было сделать их товарищам в предыдущих процессах. И в этом лежит корень впечатления, производимого ими на окружающих. Как бы то ни было, вырисовавшийся таким образом характер подсудимых—главных лиц всей судебной драмы, проходящей перед глазами русского общества—обуславливал и их поведение на суде, которое в общем было вполне корректно, даже мягко, и поражало отсутствием всякого задора и, мне хочется сказать, как бы носило на себе отпечаток тона знаменитого письма Исполнительного Комитета к императору Александру III, после 1 марта 1881 г.

Друг о друге мы знали мало в дни, предшествовавшие суду; только женщины были в более счастливых условиях, так как могли сноситься между собою путем летучей почты; режим их содержания был несколько слабее. Впрочем, и нам удавалось узнать кое-что друг о друге, благодаря значительным послаблениям обычных тюремных строгостей, что объяснялось тоже приближением суда.

В камеры часто заходили побеседовать с обвиняемыми и защитники, и чины тюремного ведомства, и сама прокуратура даже, в лице, напр., тов. прок. при

Д. П. З., барона Рауша. Помню, как однажды внезапно отворилась дверь моей камеры, и в нее прошел, окруженный соответственной свитой, сам прокурор судебной палаты, будущий министр юстиции—Муравьев. Не знаю, что побудило его посетить меня в моем уединении, и мне не удалось установить, посещал ли он также других товарищей, или сделал это исключение только для моей особы. Как бы то ни было, для меня было ясно, что прокурор судебной палаты или делает это, исполняя свою обязанность, как шаблон, или его загнало в наши камеры праздное любопытство. Это было очевидно уже по одному тому, что, как оказалось, ему ничего от меня не нужно было. Он обратился ко мне с фразой и предложением, показавшимися мне совершенно ненужными.

„Прошу вас,—сказал он,—употребить все меры к тому, чтобы на суде не было слез. Лучше я разрешу столько свиданий, сколько вы хотите, но необходимо, чтобы суд прошел без такого рода сцен“.

Я пожал плечами и дал понять прокурору, что меня удивляет его предположение, что, кажется, я плакать не собираюсь и что дело, надеюсь, пройдет гладко, без каких-либо экстраординарных мер. Фраза, очевидно, относилась к родным, часть женского элемента которых усиленно хлопотала о разрешении присутствовать на заседаниях суда, где можно было ожидать довольно трагических сцен.

С прокурором судебной палаты мы все же были старые знакомые. Впервые я видел его, когда просил разрешения на свидание с одним из товарищей, случайно,—как Эзоп шедший в баню и попавший в „клас-

сический“ участок,—оказавшимся в Доме Пр. Закл. Это было в 1881 году. Затем, в самые первые дни ареста, когда нас еще держали при жандармском управлении, не успев составить постановления о заключении в крепость, он ввел в мою камеру какое-то чрезвычайно высокопоставленное лицо, о значении и имени которого, благодаря полной безгласности нашего конвоя, мне так и не удалось осведомиться. Тогда он вбежал впереди всей свиты этой особы с возгласом: — Встаньте, милостивый государь!

Вопрос этой особы, при том единственный, был также для меня неожидан и казался тогда мне столь же ненужным, как вышеописанное обращение самого прокурора перед судом.—Вы практиковали?—спросил он меня, у которого арестовали конспиративную квартиру, на оборудование каковой нужны были месяцы; а я почти только окончил курс... После этого я не имел удовольствия видеть г. будущего министра юстиции вплоть до наших предпроцессных дней.

Самый процесс представлял для нас огромный интерес. Я нисколько не ошибусь, если скажу, что большинство его участников жило только надеждой скорее явиться на скамью подсудимых. Не говоря уже о том, что многие должны были интересоваться окончательным выяснением своей доли, для каждого создавалось такое положение, что период суда должен быть наилучшим периодом всей оставшейся ему жизни, для многих—интереснейшим моментом из всего, что осталось еще пережить.

Лично мне как-то не приходилось уделять много времени на думы о предстоящей участи. Не то, чтобы

я отклонял от себя мысль о смерти, которая, разумеется, не могла быть мне в моем положении желательной, и не то, чтобы я серьезно верил, что в данный момент избегну таковой... нет—просто как-то не хотелось думать о том, что будет в более или менее близком будущем, что отвратить было не в моих силах, и все внимание сосредоточивалось на текущих моментах. Когда мой защитник, посещая меня и не слыша с моей стороны вопросов, относящихся к предстоящей мне участи, сам заговаривал, что я не так засел, как тот или другой из моих товарищей по делу, очевидно, желая показать этим, что на мою долю должна выпасть меньшая степень взыскания, я как-то пропускал это соображение мимо ушей и быстро переводил разговор на другие темы, более меня интересовавшие. Но мало-по-малу для меня все же стало очевидным, что мне грозит, быть может, наименьшая кара среди всех участников процесса, и потому мысль о тех, кому не избежать сурового приговора, все больше и больше укоренялась в голове, и становилось больно и как-то стыдно, что, находясь в данный момент в одинаковых условиях, я не буду иметь чести итти с ними до конца и вынужден отдалиться от них, так сказать, вправо.

Хотелось бы сделать их менее виновными, хотелось, чтобы они стали в такое же положение, в каком были мы, чтобы им не грозил, по крайней мере, смертный приговор... Но сделать это было невозможно, и душа не переставала болеть за тех, участь которых была предрешена и представлялась ужасною... Душевное настроение временами делалось мрачным, тогда его

не в силах был разогнать интерес к предстоящему появлению на суде. Такое настроение поддерживалось, вероятно, и тяжестью предшествовавшего тюремного содержания (а оно могло быть и еще хуже!), которое многим заключенным уже тогда подорвало силы и здоровье, о чем в общих чертах друг о друге мы были осведомлены...

Наши родные и знакомые с воли не переставали оказывать нам всевозможные знаки внимания, и это трогало нас до глубины души. Чего-чего не приносили они нам, чем не баловали заключенных! Казалось, не было, не могло существовать препятствий к исполнению малейшего, едва выраженного нами желания. Приходилось быть осторожными на свидании и следить за собой, чтобы не прорвалось какое-нибудь неловкое слово, которое можно истолковать как желание, которое, каково бы оно ни было, будет приведено в исполнение. Но, к сожалению, даже и в этом отношении не все мы были в одинаковых условиях. Кое-кто из нас и вовсе не имел близких людей, которые могли бы о них позаботиться и иногда побаловать их, что всегда необыкновенно ценится заключенными и доставляет им много невинного удовольствия и радости. Как могли, мы исправляли эту несправедливость и неравномерность распределения благ и завели для этой цели внутренние передачи, поскольку позволял это тюремный режим.

Итак, немногие дни, оставшиеся нам до начала суда, прошли незаметно, быстро, наполненные свиданиями, разговорами, расспросами о ходе жизни за последние месяцы и даже за целый год, когда все мы были